

Бог времени Кронос

Sansli Loner

Sansli Loner

Бог времени Кронос

«Автор»

2026

Loner S.

Бог времени Кронос / S. Loner — «Автор», 2026

Цикл 1 «Дракон» «Песок и свет: история силы, которая учит даже в тишине» Древний дракон, рождённый из ветра, песка и дождя, познаёт: истинная сила — не в разрушении, а в созидании и защите. В финальной битве он жертвует собой, и его сила, став песчинками, уносится птицей сквозь время. На морском берегу растёт мальчик, которому предстоит стать капитаном. В его кармане — мешочек с песком: священное обещание умирающей маме беречь его как самое большое сокровище. Мальчик не знает, что в этом песке живёт отголосок драконьей силы. Но верность данному слову становится его опорой в штормах и битвах — а сила тихо учит его даже тогда, когда он этого не понимает. Эпическая сага о долге и памяти, где каждое обещание отзывается сквозь миры и эпохи. Для любителей фэнтези с глубокой символикой и эмоциональным стержнем.

© Loner S., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Начало времён	8
Младенец	9
Учится	10
Свет глаз	11
Первое осознание	12
Трава и нечто другое	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Sansli Loner

Бог времени Кронос

Пролог

Том 1 Цикл «Дракона»

Когда мир ещё не знал ни имён, ни границ, не было ни истории, ни памяти — была только пустота, в которой ветер перебирал песчинки, будто искал форму для чего-то большего. На одной из затерянных планет тишина была такой плотной, что даже шорох песчинок звучал как вопрос. И планета, казалось, прислушивалась к нему, ожидая, когда в этом движении проступит жизнь.

Из песка постепенно выступил силуэт: сначала лёгкая рябь, потом застывшая волна, а следом — чёткие очертания. Так родился дракон — не из плоти, а из самой материи мира. Его крылья напоминали вихри, тело — сплетение песчаных волн, а в обращённой в пустоту голове жила древняя сила: не воля и не гнев, а эхо изначального, будто сама земля тихо шептала сквозь него.

Пришёл дождь. Капли несли искру движения: первая впиталась в песчаную спину, вторая заставила дрогнуть крыло, третья коснулась головы — и по фигуре прошла дрожь, похожая на первый вдох. Песок пульсировал, отзываясь на воду; силуэт обретал плотность, в нём зарождалась жизнь. В тот миг, когда третья капля коснулась головы, в глубине ещё незрячих глаз вспыхнул слабый отсвет — не пламя, не жар, а тихое, ровное свечение, будто внутри зажглась далёкая звезда. Оно тут же погасло, но оставило после себя ощущение: здесь будет свет.

Дракон неуверенно шевельнул крыльями, пробуя воздух. В его глазах, вырезанных ветром, вспыхнуло внутреннее сияние — обещание жизни. Оно было таким же естественным, как дрожь песка под каплями, и таким же неизбежным. С этого мгновения время начало свой отсчёт, и сила, что жила в нём, перестала быть просто энергией планеты: она стала сознанием, памятью, долгом.

Шли годы, и дракон учился не только владеть силой, но и понимать её. Он узнал, как она течёт, как собирается в тугую нить, как очерчивает вокруг него невидимую границу. Но однажды ему стало важно другое: не сдерживать, не сжимать, а смешивать. Огонь и свет, чистую энергию и капли дождя — не чтобы разрушить, а чтобы попробовать создать.

Он выбрал большой плоский камень у ручья — тот самый, на котором птичка любила сидеть, когда солнце грело особенно ласково. Дракон опустился рядом, расправил крылья так, чтобы тень не накрывала камень целиком, и прикрыл глаза. Он тянул силу медленно, как тянут тонкую нить из клубка, и смешивал: искорку огня, луч света, тяжесть дождевой капли и ровный ток энергии, который теперь привычно жил внутри.

Сначала ничего не происходило. Камень оставался камнем — тёплым, шершавым, привычным. Но потом по его поверхности пробежала едва заметная дрожь, будто под коркой что-то шевельнулось. Дракон не торопил. Он держал эту смешанную силу ровно, не давая ей вспыхнуть, и чувствовал, как она мягко ложится на камень, проникая в каждую трещинку.

Оно моргнуло — один раз, медленно, будто пробуя этот жест впервые. Потом приоткрыло крошечный рот, и из него вырвался не звук, а тонкий луч света — короткий, яркий, похожий на солнечный зайчик. Существо сделало шаг — ноги мягко коснулись камня, пружинисто, уверенно — и снова замерло, прислушиваясь к себе.

Дракон смотрел на него и вдруг понял одну вещь, от которой у него внутри всё тихо замерло: это не узор на камне, не тень, не игра света. Это кто-то живой. У него есть глаза, и

он ими моргает. У него есть кожа, которая дышит. И он только что появился здесь, потому что дракон смешал огонь, свет и дождь и позволил этому стать плотью.

— Ты... — тихо выдохнул дракон, и голос его прозвучал непривычно хрипло. — Ты настоящий.

Существо будто услышало. Оно протянуло к нему одну руку — не хватая, не цепляясь, а просто показывая: «Я тут. Я учусь быть».

С того дня сила для дракона перестала быть только щитом и оружием. Она стала ещё и возможностью давать. Начало — тихо, по капле, по искорке, не разрушая того, что уже живёт. Он понял: сила — это не только то, что позволяет стоять против тьмы; это ещё и то, что оставляет после себя след, который не стирается даже тогда, когда самого тебя уже нет.

Много позже, когда тьма пришла, чтобы стереть само понятие света, дракон вспомнил тот день у ручья. Он стоял на каменистой пустоши у северного склона, и щит вокруг него был не стеной, а тонкой оболочкой, готовой в любой миг стать оружием. Сын пришёл, как приходит холод — незаметно, пока вдруг не понимаешь, что дышать стало тяжелее. Он ударил волной, и вслед за ним хлынули тени, чёрные и текучие, похожие на густой дым, который стелется по земле, выискивая любую щель.

Отряд держал линию. Копья вонзались во тьму, и тьма отступала — не навсегда, но на мгновение. На то самое мгновение, которого хватало, чтобы сделать шаг назад, выровнять строй, подставить плечо товарищу. А в центре, там, где земля была самой голой, стоял дракон. Сквозь щит он направил поток холодной энергии, что стирает память. Сын бился, теряя очертания, пока наконец не рассыпался, как чёрный пепел, который подхватывает ветер и уносит прочь.

Но и дракон платил за это. Сила, которую он собрал, была его собственной жизнью, его памятью, его прошлым. Она уходила, растворяясь в этом потоке, вытягивая из него саму суть. Он стоял до последнего — до того мгновения, когда тень сына окончательно исчезла, когда на пустоши снова стало тихо, когда даже ветер, казалось, перестал дышать. И только тогда он позволил себе опустить руки. Щит растаял тихо, как утренний иней под первыми лучами солнца.

— Теперь... — начал он, но голос стал тише, будто слова теряли вес. — Теперь они... в безопасности.

Прежде чем его фигура начала рассыпаться, он тихо, почти неслышно, шепнул:

— Ладно. Лети.

Это было не прощание. Это было разрешение: пусть сила, которую он столько лет держал в кулаке, снова станет ветром. Пусть она найдёт себе новое русло.

Он не сопротивлялся. Он просто становился тем, чем был изначально: песком. Его фигура дрогнула, пошла рябью, и из неё посыпались мелкие, едва заметные песчинки. Они кружились в воздухе, подхваченные дыханием утра, и медленно оседали на землю, смешиваясь с пылью пустоши. С каждым мгновением его становилось всё меньше, пока от него не осталась лишь лёгкая россыпь, сверкающая на солнце, как крупинцы кварца.

Птичка, что всё это время следила за битвой, тихо вскрикнула звуком, больше похожим на всхлип, чем на крик. Она упала рядом с горсткой песка, сложив крылья, будто обняла эту тёплую пыль. А потом чуть клюнула одну песчинку — не чтобы съесть, а чтобы запомнить — и взлетела, унося с собой крошечное зерно памяти.

Где-то в другом месте, в другом времени, на берегу далёкого моря, пятилетний мальчик сидел на песке и строил замок из мокрых камешков. Его отец, высокий мужчина с грубыми руками и взглядом, привыкшим к штормам, стоял неподалёку и смотрел на горизонт. Мальчик не знал, что его отец — пират. Он просто строил свой замок, время от времени поднимая глаза на отца, словно проверяя, что тот всё ещё здесь.

В этот момент он вдруг замер, будто почувствовал что-то странное — не страх, не холод, а просто лёгкое тепло, которое на мгновение коснулось его груди, как будто кто-то тихо положил ладонь на плечо и тут же убрал. Мальчик чуть нахмурился, прислушался к себе, а потом поднял глаза к небу и показал пальцем на крошечную точку, похожую на птицу, которая летела так высоко, что её почти не было видно.

— Папа, смотри... там птица летит так высоко, что её почти не видно. Она, наверное, видит всё-всё на свете. Я тоже хочу так. Хочу видеть всё.

Отец чуть улыбнулся, но в его улыбке не было нежности — только старая, морская усталость и расчёт.

— Чтобы видеть всё, сынок, не обязательно забираться высоко. Иногда достаточно просто быть большим. Таким большим, чтобы тебя нельзя было не заметить.

Мальчик кивнул, будто принял это как закон. И, не осознавая почему, он сгрёб горсть тёплого песка и спрятал его в глубокий карман своих холщовых штанов — просто потому, что ему казалось, что так будет спокойнее.

Он снова принялся строить свой замок, не зная, что в его груди теперь тихо спит душа дракона — не как бремя, не как сила, а как тихий свет, который будет согревать его в самые холодные ночи. И что однажды, когда придёт его время, этот свет напомнит ему, что значит защищать тех, кто не может защитить себя сам. Сила будет учить его, даже когда он этого не поймёт: в случайном тепле, в неожиданной уверенности, в том, как вдруг становится ясно, куда нужно шагнуть.

Начало времён

Вселенная пребывала в первозданной пустоте — без света, звука и движения. На одной из затерянных в тьме планет тишину нарушал лишь ветер: скользя над поверхностью, он перебирал песчинки, будто искал в темноте форму. И, казалось, сама пустота прислушивалась к этому едва слышному шороху, словно ждала, когда в нём проступит что-то большее, чем просто движение.

Постепенно из песка проступил силуэт: сначала лёгкая рябь, затем застывшая волна, а следом — чёткие очертания. Так родился дракон — не из плоти, а из материи планеты. Его крылья напоминали вихри, тело — сплетение песчаных волн, а обращённая в пустоту голова хранила древнюю силу. В этой силе не было ни гнева, ни воли — лишь эхо чего-то изначального, будто сама планета тихо шептала сквозь него.

Пришёл дождь. Капли несли искру движения: первая впиталась в песчаную спину, вторая заставила дрогнуть крыло, третья коснулась головы — и по фигуре прошла дрожь, похожая на первый вдох. Песок пульсировал, отзываясь на дождь; силуэт обретал плотность, в нём зарождалась жизнь. И в тот миг, когда третья капля коснулась головы, в глубине ещё незрячих глаз вспыхнул слабый отсвет — не пламя, не жар, а тихое, ровное свечение, будто внутри зажглась далёкая звезда. Оно тут же погасло, но оставило после себя ощущение: здесь будет свет.

Дракон неуверенно шевельнул крыльями, пробуя воздух. В его глазах, вырезанных ветром, вспыхнуло внутреннее сияние — обещание жизни. Оно было таким же естественным, как дрожь песка под каплями, и таким же неизбежным.

Так на забытой планете из ветра и дождя родилось первое живое существо, и с этого мгновения время начало свой отсчёт.

Младенец

Дракон лежал в тишине, не понимая ни своих сил, ни того, кем он стал. Мир казался огромным, холодным и гулким: любое движение рождало далёкое пугающее эхо. Это было совсем не похоже на ту первозданную пустоту, где ветер тихо перебирал песчинки, будто сам мир шептал форму ему во сне. Теперь тишина не была ласковой — она звенела, как натянутая струна, и каждый звук отзывался болью.

Сквозь него текла невидимая энергия — тёплая, словно ветер в песке. Она заставляла каждую чешуйку вибрировать — будто внутри звенела тонкая струна. Дракон не знал, что это за сила, но чувствовал: она удерживает его в новой, неудобной форме. Та самая сила, что когда-то жила в материи планеты как тихое эхо чего-то изначального, теперь стала слишком близкой, слишком настоящей — и от этого пугала ещё сильнее.

Тяжёлые крылья топорщились в стороны, цеплялись за камни, мешали лежать спокойно. Он пытался их сложить, но они не слушались — жили своей неловкой жизнью. В них не было той уверенности, с которой ветер когда-то лепил его силуэт. Он помнил (или ему казалось, что помнит) тот миг, когда дождь капля за каплей пробуждал в нём жизнь: тогда каждая капля была как тихий голос, говорящий: «ты будешь». Теперь же сила не звала — она толкала, заставляя тело принимать форму, к которой он не был готов.

Когда тревога становилась невыносимой, из пасти вырывался крошечный огонёк — робкий язычок света, едва достававший до когтей. Дракон выпускал пламя не для того, чтобы напугать или разрушить. Просто от него становилось чуточку теплее.

Это тепло нравилось ему больше всего. Оно не разгоняло тьму, а грело лишь его самого — и в этом маленьком свете он находил покой. На миг мир переставал быть огромным и холодным, и дракон чувствовал: он не совсем один. И в этом было что-то от того самого света, который позже он научится направлять ровно и уверенно: не чтобы спрятаться от страха, а чтобы дать жизнь. Но пока это был просто крошечный огонёк, и ему было достаточно знать, что он есть.

Учится

Дракон больше не лежал неподвижно. Беспокойное тепло внутри не давало застыть на месте — он двигался неуклюже, без цели, пробуя новое тело. Когти царапали камень, и каждый резкий звук будто заставлял мир вздрагивать — чужой, пугающий. Так же, как когда-то эхо ветра в первозданной пустоте казалось ему единственным голосом мира, теперь каждый собственный звук отзывался в груди острой тревогой: он нарушал тишину, к которой ещё не привык.

Крылья по-прежнему мешали: цеплялись за камни, задевали песок, тянули назад. Но он уже научился неловко прижимать их к бокам — словно пытался уложить слишком большой плащ. На миг становилось спокойнее: мир сужался до того, что было прямо перед носом. Это напоминало ему то мгновение, когда третья капля дождя коснулась головы и в глубине глаз вспыхнул слабый отсвет: даже крошечный, едва заметный свет мог удержать тьму на расстоянии. Теперь и прижатые крылья становились такой же опорой — не силой, а способом удерживать равновесие в огромном, оглушающем мире.

Внутри жил ровный тёплый гул. Он пробегал вдоль хребта, зарождался в груди и растекался по всему телу. Дракон не понимал, что это за сила, и не мог ей управлять. Она просто напоминала: ты жив, ты здесь. И в этом гуле он всё чаще различал отголоски чего-то большего — будто тот самый ветер, что когда-то перебирал песчинки, теперь тихо шептал ему изнутри: «Ты не исчезнешь. Ты будешь».

Когда он дёргал лапой или пугался собственного звука, из пасти вырывался крошечный огонёк — робкий язычок света, едва достававший до когтей. Дракон выпускал его не ради разрушения, а чтобы стало чуточку теплее. И это тепло нравилось ему больше всего: оно грело лишь его самого, даруя короткий миг покоя. Мир на секунду переставал быть огромным и холодным, и дракон чувствовал: он не совсем один. Этот огонёк был его первым языком, его способом сказать миру: «Я здесь, и мне страшно». Позже он научится говорить светом иначе — но пока ему хватало и этого тихого, дрожащего язычка, который не пытался осветить всё вокруг, а просто согревал его изнутри.

Он ползал по кругу, потом в сторону, снова по кругу — нащупывал границы своего тела, пробовал на ощупь камень и песок, вдыхал холодный воздух. С каждым движением мир становился чуть менее чужим.

В какой-то момент он замер, опустил голову и прислушался не к тишине, а к внутреннему гулу. Сила не кричала — она тихо пульсировала, словно далёкое эхо ветра, который когда-то слепил его из песка. И впервые ему показалось: возможно, он — не просто случайное движение в пустоте. Возможно, он — начало чего-то. А начало не обязано быть громким. Оно может быть неловким, царапающим камни, пугающимся собственного голоса. Оно может рождаться в тишине, в робком огоньке, в попытке сложить непослушные крылья. И этого достаточно, чтобы стать чем-то большим.

Свет глаз

Неуклюжесть осталась, но стала привычной, почти родной. Дракон уже не шарахался от собственных движений — те самые неловкие рывки, что раньше пугали его эхом, теперь укладывались в понятный ритм. Он научился чувствовать вес крыльев, угадывать, как их сложить, чтобы не зацепить камень, и даже делать короткие, неуверенные взмахи — не ради полёта, а чтобы удержать равновесие на склоне. В этой неловкости проступила осторожная уверенность: мир больше не казался непреодолимой преградой. Так же, как когда-то прижатые к бокам крылья давали ему краткий миг спокойствия, теперь сама неуклюжесть перестала быть врагом: она стала его первым языком, на котором он разговаривал с миром — не словами, а движениями, не всегда точными, но настоящими.

Сила внутри по-прежнему жила своим ритмом — тёплый гул вдоль хребта, дрожь от груди до кончиков когтей. Она всё так же напоминала: ты жив, ты здесь, — но сегодня в этом гуле появилась новая нота, будто сама сила прислушивалась к тому, как он учится быть в мире. Но сегодня она искала выход — и нашла его в глазах. Это было похоже на то, как робкий огонёк вырывался из пасти, когда страх становился невыносимым: тогда сила искала способ просто согреть его изнутри, а теперь она искала, как дотянуться до мира снаружи. И нашла путь в свете глаз — тихом, ровном, совсем не похожем на пламя.

Замерев в тишине, дракон вдруг выпустил свет. Не пламя, не жар — чистый, ровный свет, будто в глубине зрачков зажглись две далёкие звезды. Он не понял, что произошло: просто повернул голову — и луч лёг на серый камень неподалёку. Тот мягко засветился, будто стал теплее.

Потом пришёл дождь. Обычный земной дождь: тяжёлые капли, запах сырой пыли, серое небо, опустившееся к самой земле. Дракон не стал стоять под ним. Он заметил тёмный проём в скале — неглубокую пещеру — и скользнул туда. Внутри было тихо, только издали доносился ровный стук капель по камню. Он сел, подогнул лапы, сложил крылья и впервые просто переждал непогоду, не боясь её шума. В этом спокойном ожидании было что-то от того самого терпения, с которым когда-то дождь капля за каплей пробуждал в нём жизнь: не торопя, не требуя, просто оставаясь рядом, пока песок становился плотным, а тишина наполнялась дыханием.

Когда дождь стих и воздух прояснился, дракон вышел наружу. Камень, на который падал свет его глаз, больше не был одиноким обломком: сквозь трещины пробивались тонкие зелёные нити травы. Хрупкие, едва живые, они росли именно там, где лежал его свет.

Дракон замер, вглядываясь в эту маленькую перемену. Мир сделал шаг ему навстречу. Это было совсем не похоже на тот пугающий, гулкий мир, который когда-то заставлял его выпускать крошечный огонёк, лишь бы стало чуточку теплее. Он осторожно подошёл, наклонил голову, втянул воздух. Запах травы был свежим, живым, совсем не похожим на запах пыли и камня — странным и в то же время удивительно правильным. Дракон сел рядом, почти касаясь травы боком, и долго сидел так, вдыхая новый запах. Внутри тихо гудела сила, а мир становился чуть меньше, понятнее и добрее.

Он не знал, что его свет пробуждает жизнь. Он просто смотрел, как тянутся вверх травинки, и в этот миг ему казалось, что он впервые по-настоящему нужен этому миру. И в этом ощущении не было ни гордости, ни торжества — только тихое удивление, похожее на то, которое он испытал, когда впервые понял, что прижатые крылья могут стать опорой: иногда самое важное чудо — это просто заметить, как от твоего присутствия что-то начинает расти.

Первое осознание

Тело больше не было чужим. Дракон чувствовал, как мышцы отзываются на каждое намерение, крылья ловят малейшее движение воздуха, а когти уверенно цепляются за камень. Это было совсем не похоже на те дни, когда каждое движение рождало пугающее эхо, а крылья жили своей неловкой жизнью, цепляясь за камни. Тогда мир казался враждебным просто потому, что был слишком большим, а теперь он стал просто сложным — и в этой сложности дракон начинал различать свой собственный ритм. И тогда он решился: оттолкнулся, резко взмахнул крыльями и поднялся над землёй.

Полёт вышел неуклюжим. Дракон то проваливался в воздушные ямы, то резко взмывал вверх, будто сам себя пугал высотой. Ветер хлестал по чешуе, мир внизу качался, и на миг вернулся прежний страх — такой же, как в первые дни, когда собственный звук казался угрозой. Но теперь страх был другим: не парализующим, а острым, живым, подстёгивающим. Он выровнялся, сделал ещё взмах, потом ещё — и вдруг почувствовал, как тело само находит верный ритм. Он не парил, как величественное существо из легенд, но он летел. И этого было достаточно. Так же, как когда-то прижатые крылья давали ему ощущение опоры, теперь опорой стал сам воздух: он держал, если не пытаться его победить, а просто довериться его движению.

Опустившись возле знакомого камня, дракон замер, прислушиваясь к ровному гулу внутри. Теперь он не просто ощущал силу — чувствовал её движение: как она поднимается от груди, скользит вдоль хребта и собирается в глубине глаз. Тот самый гул, что когда-то лишь напоминал: «ты жив, ты здесь», теперь будто искал выхода — и наконец нашёл его в свете. Он понял: свет можно направлять. Повернул голову, сосредоточился — и луч лёг ровно на серую поверхность камня: не рассеялся, не дрогнул, а лёг, будто рука, наконец научившаяся держать тонкую нить. Это было похоже на то, как он учился не пугаться собственного голоса: сначала звук пугал, потом стал привычным, а потом — инструментом. Теперь и свет перестал быть случайным всплеском и стал продолжением его воли.

Теперь оставалось ждать.

Он ходил кругами вокруг камня, будто охраняя это место и своё новое умение. Дни сменяли друг друга: небо темнело и снова светлело, ветер шептал на своём вечном языке, а дракон всё ходил, время от времени проверяя, по-прежнему ли камень лежит под его светом. Он не знал, сколько прошло времени — день, два или три, — но теперь умел ждать. В этом ожидании было что-то важное: будто он впервые участвовал в чём-то большем, чем собственное существование. В этом терпении слышался отголосок того самого дождя, который когда-то капля за каплей будил в песке жизнь: не торопя, не требуя, просто оставаясь рядом, пока тишина наполняется дыханием.

Пришёл дождь. На этот раз дракон не искал укрытия. Он остался стоять под каплями, не отрывая взгляда от камня, — хотел увидеть чудо не после, а в самом его рождении. Капли падали, сливались с его светом, и камень начал мягко мерцать, будто впитывая и дождь, и свет, соединяя их в нечто новое. А потом сквозь трещины потянулись зелёные нити — сначала робкие, едва заметные, но с каждой секундой всё более настойчивые. Трава росла быстрее, чем в прошлый раз, покрывая камень живым ковром, и в её росте была тихая уверенность.

Дракон наклонился, почти касаясь травинки носом, и замер, вдыхая знакомый запах — свежий, живой, обещающий что-то хорошее. Тот самый запах, что однажды уже показался ему удивительно правильным, теперь звучал как подтверждение: он всё делает верно. А потом вдруг сорвался с места и побежал вокруг зарослей, неуклюже подбрасывая лапы, задевая крыльями воздух, будто хотел обнять эту радость всем своим огромным телом. Это было похоже на восторг ребёнка, который впервые взял в руки фломастер и увидел, как на бумаге появляется его собственный рисунок: неловкий, неидеальный, но настоящий — и созданный им самим.

И в этом восторге не было ни высокомерия, ни желания подчинить мир: только чистое, почти детское удивление от того, что его действие отозвалось в материи планеты, как эхо, которое он сам и породил.

Он остановился, тяжело дыша, и посмотрел на траву, на капли, стекающие по листьям, на свет, всё ещё тихо струившийся из его глаз. И впервые в сознании оформилась чёткая мысль: «Это сделал я».

Не ветер, не дождь и не случайность. Он направил свет, дождался дождя — и вместе они дали жизнь. Мир перестал быть холодной пустотой, где он был лишь случайным гостем. Теперь он был частью этого мира — и, возможно, его началом. А начало, как он теперь понимал, не требует величия. Ему достаточно одного луча, одной капли, одного неловкого шага — и терпения, чтобы увидеть, как из этого рождается жизнь.

Трава и нечто другое

Дракон летал уверенно: крылья стали продолжением его воли, а не упрямой тяжестью. Он больше не проваливался в воздушные ямы и не шарахался от ветра — он читал порывы, ловил их, поднимался выше, заглядывал дальше. Это был совсем не тот полёт, что в пятой главе: тогда он лишь учился держать равновесие на склоне, а теперь небо само становилось ему знакомым, будто раскрывало свои тихие секреты.

Огонь в груди стал гуще и горячее, но дракон почти перестал его выпускать. Однажды резкий выдох просто для тепла лизнул край полянки — и трава почернела, съежилась. В этом тихом увядании было что-то невыносимо неправильное. Он вспомнил, как в самом начале крошечный огонёк грел его самого и дарил короткий миг покоя, а теперь от одного выдоха мир съёживался, теряя жизнь. С тех пор он берёт огонь внутри: тепло, что раньше спасало от страха, теперь казалось слишком грубым для мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.